

TAJIDINOVA I.G.

WAR TIME DIARIES: THE POTENTIAL OF THE SOURCE. IN HONOUR OF THE 70TH
ANNIVERSARY OF GREAT PATRIOTIC WAR

И.Г. ТАЖИДИНОВА

ДНЕВНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 гг.: ПОТЕНЦИАЛ
ИСТОЧНИКА

Annotation / Аннотация

The article is devoted to scientific analysis of the contents of Soviet citizens Great Patriotic war diaries. It is argued that a diary is a means of overcoming life's difficulties in an extreme situation. It is concluded that diaries' specificities depend on where they were kept in the front-line or in the rear. The article also considers possibilities and future trends of using diaries in a nowadays historiographical situation.

Статья посвящена научному анализу содержания дневников советских граждан, относящихся к периоду Великой Отечественной войны. Подчеркивается значение дневника как средства совладания с жизненными трудностями в экстремальной ситуации. Делаются выводы об особенностях дневников в зависимости от того, велись они на фронте или в тылу. Рассматриваются возможности и перспективы использования дневников в современной историографической ситуации.

Keywords / Ключевые слова

Source, source study, the Great Patriotic War 1941-1945, war time diaries, front-line and rear routine. Источник, источниковедение, Великая Отечественная война 1941-1945 гг., дневники военного времени, фронтовая и тыловая повседневность.

ТАЖИДИНОВА Ирина Геннадьевна – доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук, г. Краснодар; 8-861-267-27-87; 8-962-860-77-77; tajidinova@yandex.ru

Всплеск интереса к истории Великой Отечественной войны определяется не только чередой памятных дат, отмечаемых в российском обществе. В значительной мере он связан с появлением новых подходов в осмыслении военной темы, современными тенденциями в развитии гуманитарного знания в целом. Очевидно, что разработка таких исследовательских направлений, как социальная история, микроистория, гендерная история, военно-историческая антропология находится в тесной зависимости от введения в научный оборот соответствующих источников. Одно из центральных мест в

круге этих источников принадлежит дневниковому наследию военных лет.

Дневники обычных людей, «среднестатистических» советских граждан, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны, определяются как малочисленная группа источников. Если дневниковые записи видных общественно-политических деятелей, писателей, ученых известны давно, то внимание к таким дневникам – явление последнего времени. Представленные в архивах России буквально единично, а в лучшем случае – десятками, дневники уступают в количественном отношении такому ценному массовому историческому источнику как письма военных лет. Но, в отличие от последних, не обреченные на прохождение сквозь «сито» военной цензуры, дневники освещают широкий спектр настроений и жизненных ситуаций комбатантов и мирных граждан, хорошо отражают динамику событий и личных переживаний. Отличаясь по своему функциональному назначению от всех других источников личного происхождения, дневники обладают многообразным, уникальным потенциалом.

Определенный, хотя и незначительный, комплекс источников этого рода опубликован (обычно во фрагментах или в сокращении). Дневники можно обнаружить в многотомном издании «Власть и общество. Российская провинция», отдельных сборниках документов личного происхождения, специальной периодике. Данные публикации вводят в научный оборот источники, находящиеся на хранении как в государственных (федеральных, субъектов Российской Федерации), муниципальных и частных архивах, так и в архивах организаций и в музеях. Опираясь на документальные публикации последних лет, проанализируем потенциальные возможности военных дневников советских граждан как особого исторического источника, определим перспективы их использования в современной историографической ситуации*.

Среди дневников участников Великой Отечественной войны, как правило, выделяются фронтовые и те, что велись в условиях тыла. Однако ввиду постоянных перемещений

населения, изменений в статусе, которые влекла война для многих советских граждан, четкое деление зачастую проблематично. Существует также немногочисленный ряд дневников, написанных советскими военнопленными и «восточными рабочими». Дневники, принадлежащие женщинам, встречаются намного реже, чем мужские.

Дневники различаются по объему, систематичности и характеру записей. Стилиевые особенности и предпочтение в пользу конкретных тем, во многом, связаны с социально-демографическими и личностными характеристиками авторов. Тем не менее, рассматривая такие основные типы дневника как «фронтовой» и «тыловой», предполагается выделить общее и особенное в их тематическом репертуаре, обозначить эмоциональные узлы, присутствующие в них.

Дневниковые записи чаще всего велись в общих тетрадях или записных книжках, но иногда использовался необычный материал (первая часть дневника сочинца А.З. Дьякова написана в тетради, сшитой им из обоев) (2, 19). Следует иметь в виду, что вести дневники в Красной Армии рядовым и младшим офицерам в войну не разрешалось, то есть делалось это нелегально. Так, рядовой И.М. Хайкин прятал свои короткие заметки то за пазухой, то в сапог (3, 227). Некоторые, как гвардии старшина В.В. Сырцылин, придавали собственным впечатлениям и размышлениям форму очерков или стихов, планируя в перспективе превратить их в «простую книгу, без выдумок и прикрас, как это делают настоящие писатели» (2, 111). В то же время известны случаи, когда события фиксировались автором дневника с большой тщательностью. Таковы записи старшего лейтенанта А.И. Кобенко, который впоследствии отрекомендовал их так: «У меня могут спросить, откуда у меня такие точности в датах, наименовании мест, переходов. Все главные даты, селения, переходы я записывал в походном дневнике, то есть в 7 книжках за весь период пребывания в Красной Армии в войну, которые сохранились, из этих записей и написаны мои воспоминания о пройденном моем жизненном пути» (2, 14).

Перекрещивание жанров дневника и воспоминаний – распространенный случай. Такая метаморфоза могла произойти уже во время войны, когда, приняв решение о начале дневниковых записей, человек поднимал «осевшее» за те месяцы и даже годы, когда они не велись. К примеру, в дневнике фронтового фотокорреспондента Е.С. Бялого таким образом оказались отражены первые полтора года военной службы (3, 57-63). Еще чаще случаи, когда участник войны уже в послевоенные годы производил обработку фактического материала, разрозненных обрывков записей. Так поступил А.И. Кобенко, осветивший в своем «Дневнике-воспоминаниях» события за весь период войны (2, 203-216). Также впоследствии назвала свои личные записи 1942-1943 гг. М.И. Сонкина, сержант батальона воздушного наблюдения, оповещения и связи противовоздушной обороны. Основным лейтмотив данного источника – суммирование «опыта жизни», который прирастал после призыва в РККА. «Мы даже не представляли, как землянки строят...» – гласит одна из записей, сделанная девушкой. Минна Сонкина неоднократно подчеркивает, насколько «выросли» девушки в годы войны, «заменяли» мужчин, смогли почувствовать себя «равными» (3, 173-178). Такой материал об эмансипационных тенденциях военного времени интересен в контексте гендерных исследований.

Дневниковые записи обычно велись в достаточной мере образованными, чуткими к собственным переживаниям и общественным настроениям людьми. Поэтому дневник, охватывающий события 1941-1945 гг., нередко является продолжением личных записей, начатых еще до войны. Москвич В.Г. Кагарлицкий, 1923 г. рождения, вел дневник со школьной скамьи. Летом 1941 г. продолжил его на оборонительных работах в Смоленской области, позже – в зенитно-пулеметном училище в Чкаловской (ныне – Оренбургской) области, наконец, с 1943 г. – на фронте и в госпитале (4, 22). В то же время война стимулировала тягу к письму у тех, кого трудно назвать образованным или опытным. Один из примеров такого рода – дневник жительницы г. Курска К. Христиньки, угнанной в Германию (2, 73-80). Двадцать семь листов ее записной книжки – это описание переезда девушки по территории Украины, Польши, Германии, ее непростой жизни у «одной Фрау». В записях, где налицо малограмотность автора, переплелись тревога за свое и близких будущее, любопытство к внезапно обрушившемуся на нее «чужому» (местности, людям, языку), стойкость в невзгодах и почти детская наивность.

И все же, в большинстве случаев, решение о ведении дневника принималось либо в первые дни войны, либо в ее ходе, под влиянием неординарных условий существования.

Большое значение, особенно для фронтовиков, имел накопительный эффект, когда отражение сильных эмоций и ярких впечатлений на бумаге принимало форму насущной потребности. Не стоит недооценивать и таких факторов, как взросление и сопутствующее ему желание осмысления своих действий, жизни в целом, а также «одиночество среди людей», особенно чувствительное во фронтовой среде на завершающем этапе войны.

«Никогда, даже в детстве не вел я дневника, – писал тридцатилетний фотокорреспондент фронтовой газеты Е.С. Бялый. – Сегодня, видимо, по-настоящему перешел в другую фазу своей жизни. Мысль о ведении дневника – записей – чуть ли не доминирует над всеми другими. Попробую!» (3, 59). Стиль этого дневника – емкий, телеграфный, несколько скрытный. О службе: «Рассвет – мы на колесах... Много пунктов, авралов, делаю все, что может дать коллективу хорошее, полезное. Делаю это с душой, искренно. Эта работа нужна!». О накоплении опыта: «Путь показал лицо коллектива, в котором мне предстоит находиться. Вырисовываются контуры индивидуумов, составляющих этот коллектив». О быте: «Человек становится больше. Места становится меньше». Об одиночестве: «Очень хочется побеседовать. Проанализировать вдвоем. Не расскажу, с кем чувствую пристрастность ответов, советов и указаний. Сдержан». Стиль повествования заметно теплеет, когда речь заходит о близком фронтовом друге, о жене. Специально фиксируются сильные (о налетах врага) и необычные (о деревенских обычаях) впечатления (3, 57-63).

Ведение дневниковых записей на протяжении всей войны – редкий случай. Как уже было отмечено, к записям как эмоциональной отдушине довольно часто обращались «на волне» начала войны. Прекращение же их происходило в силу непреодолимых обстоятельств (гибель автора, неприемлемые для письма условия существования), либо по причине морального истощения, сокращения притока значимых событий. В последнем случае записи постепенно теряли в объеме, становились однообразными. Можно заметить, что переход инициативы в ведении военных действий к Красной Армии, исчезновение непосредственной опасности для жизни автора и его близких также обычно способствовали прекращению дневниковых записей теми, кто находился в тылу. Сроки жизни дневников комбатантов, систематичность записей в них, во многом, зависели от ритма фронтовой повседневности, прежде всего, интенсивности боевых действий. Об этом свидетельствуют несколько кратких замечаний из дневника младшего

сержанта Л. Френкеля. В мае 1942 г.: «Писать стало очень трудно, просто негде». Спустя месяц: «Долго не писал. Не было ни обстановки, ни настроения» (4, 12). В отличие от тыловых дневников, для фронтовых характерно активное ведение записей на завершающем этапе войны, чему были особые причины. С одной стороны, именно в этот период военнотружашие чувствовали крайнюю опустошенность, одиночество, и, как следствие, актуализировалась функция дневника как средства моральной поддержки. С другой стороны, фронтовые дневники этого периода переполнены впечатлениями об увиденном за рубежом, комментариями по этому поводу. Поскольку в зарисовках о Польше, Румынии, Германии и других странах ярко выражен сравнительный аспект, то они, по сути, несут ценную информацию о представлениях и практиках, бытовавших в самом советском обществе. В целом, влияние фактора времени на содержание рассмотренных документов представляется одним из самых значимых.

Записи, сделанные 22 июня 1941 г. (собственно, многие дневники начинаются этой датой) либо в последующие несколько дней, заслуживают особого внимания. Подробно описывая момент получения известия о начале войны, авторы намеренно выделяют это событие как контрастное по отношению к природным ритмам («чудесный летний день») и упорядоченности повседневной жизни («утро ничем не отличалось от других дней», «я ковырялся в огороде»). Краснодарец А.И. Кобенко запечатлел роковой момент так: «В этот день мы с Нюсей пошли на Красную улицу в магазин мануфактуры. Это было в 2 часа дня, в репродукторе раздались позывные, потом голос В.М. Молотова, сообщивший о войне, о внезапном нападении немцев на нашу страну. Нюся начала плакать, как и другие советские граждане, и сказала: «Что же теперь будет с нами?». Я ее успокоил и сразу пошли домой, ничего не купили» (2, 203).

Передавая потрясение, ошеломление страшным известием, дневниковые записи, в то же время, демонстрируют большую собранность, ответственность и сплоченность советских людей перед лицом грядущих испытаний. Сразу проявилось стремление коллективно обсуждать события на фронте; люди «толпились», с большой активностью посещали лекции и митинги, запоем читали газеты. Настрой сочинцев передает запись, сделанная А.З. Дьяковым на девятый день войны: «Многим казалось – особенно года 1914-1918 гг., что после объявления о мобилизации каждый будет взят через день-два – каждый собрался-ждал» (2, 20).

Фиксация событий «мужским» дневником в начальный период войны (независимо от того, находился автор на фронте или в тылу) почти в обязательном порядке включает анализ ситуации на театре военных действий, предположения о позиции и ближайших действиях союзников, размышления о своем «месте» в этой войне.

Анализ числа потерь с обеих сторон, перспектив развития военных действий – распространенная тема как в дневниках военнослужащих Красной Армии, так и в записях тех, кто оставался в тылу, но имел опыт участия в Первой мировой и Гражданской войнах. Особенно скрупулезен в оценке ситуации на фронте Дьяков, подчинивший задаче ее отслеживания свой жизненный распорядок: «Вошло в привычку просыпаться в 6 ч. и раньше, чтобы не прозевать информационное сообщение с фронта». Его записи, сделанные во второй половине 1941 г., являются, по большей части, эмоциональным откликом на потери конкретных территорий: «Ушам своим не поверил...» (о попытках противника форсировать Днепр); «Поразило до глубины...» (об оставлении Смоленска); «Неприятная уступка на фронте... Что же дальше? Что за черт?» (о сдаче Николаева и Кривого Рога). Ощущая дезориентацию в ситуации, Дьяков записывает: «С оставлением Смоленска информбюро стало передавать без указания “направления”, что выбило всякую возможность ориентировки...» (2, 21-23).

Раздражение отсутствием нормально поступающей, правдивой информации о ситуации на фронте – ведущая тема дневниковых записей первого года войны. О недоверии к сообщениям Совинформбюро свидетельствует и житель г. Горького И.А. Харкевич: «Радиоприемники у нас отобрали, хожу слушать радио на улицу... Но сколько нам не сообщается Совинформбюро! Народ приучается уже читать между строк и делать свои выводы и заключения, так растут слухи» (1, 56).

Угнетенное состояние по поводу отступления Красной Армии, тем не менее, соседствовало с уверенностью в победе. Особенно явно стремление «прописать» такую уверенность сквозит в записях первых дней войны. Л.С. Френкель, находившийся в момент начала войны на срочной военной службе, 22 июня 1941 г. делает характерное замечание: «Удивляет, на что надеется Гитлер» (4, 2). Успешной работой советских средств массовой информации можно объяснить подбадривающие размышления следующего типа: «Территория может быть освобождена с приростом...» (из дневника А.З. Дьякова, 8 июля 1941 г.) (2, 22). Привлекают внимание цифры людских потерь, которые цитируют в своих дневниках авторы. 22 июня 1942 г., то есть в день первой годовщины начала Великой Отечественной войны, А.З. Дьяков пишет о 10 миллионах убитых и раненых со стороны немецких войск и 4,5 миллионах – красноармейцев (2, 48). Спустя ровно год цитирует, очевидно, также добытый из сообщений средств массовой информации итог двух лет «войны с фашистской гидрой»: немцев убито и взято в плен – 6 400 000 человек, «наших – советских – русских» – 4 200 000 человек (2, 65). Если Дьяков не решается усомниться в этих, как минимум, противоречивых данных, то для Л.С. Френкеля, находящегося на фронте, цифры потерь под Харьковом в июне 1942 г. («Немцы потеряли 90 тыс. убитыми и ранеными, а наши потери 50 тыс. убитыми и 70 тыс. пропали без вести») убедительными не кажутся. Он пишет: «Все это непонятно, особенно про “пропавших без вести”. Думаю, разобраться можно будет лишь спустя некоторое время после войны» (4, 12).

На дневниках советских граждан лежит печать самоцензуры. Снять ее оказываются способны лишь обстоятельства, ребром ставящие вопросы выживания. Под их влиянием обнажаются «теневые» стороны жизни в советском социуме: блат, воровство, спекуляция, трения в межэтническом общении, отвратительная работа почтовых служб, общественного питания и прочее. Критика недостатков присутствует в некоторых тыловых дневниках, причем она может перерасти в опасные обобщения. «Слаба наша экономическая система была до войны, а к войне и вовсе не приспособлена», – пишет инженер горьковского автозавода И.А. Харкевич. Констатируя «бесперывное отступление» Красной Армии, усомнившись в готовности страны дать отпор врагу, в записи от 23 июля 1941 г. автор позволяет себе горькую иронию: «Где же наши могучие средства обороны, за счет создания которых мы усиленно подтягивали ремни у штанов?» (1, 56). Сомнения в слабости врага присутствуют и на страницах фронтовых дневников. Л.С. Френкель, находившийся в Сталинграде в июле 1942 г., пишет: «Странно, как нас ориентировали в отношении сил немцев. Все прогнозы в отношении его истощения прошли, а он прет и прет. Для меня совершенно ясно, что организационно и по умению организовывать операции немцы очень сильны и это пока имеет решающее значение» (4, 14).

Примером «жесткого» фронтового дневника могут служить записи Э.И. Генкина, описывающие его и других советских солдат «Сизифов путь» по «кондовой, отвратительной» Польше и «распятой» Германии. Стараясь быть объективным в оценке увиденного за рубежами СССР, капитан Генкин, тем не менее, не в состоянии отделаться от ощущения неприязни к обычаям, людям и даже – запахам. Он отмечает простоту и искренность, смелость и выдержку русского солдата, который единственный может довести войну до победы («Денди не выдержат немецкого огня и просто не сумеют перешагнуть через горы трупов, как сможет сделать русский человек»). В то же время упоминает отталкивающее «русское хамство», «отсутствие честности». Ужас и угнетение вызывает у автора дневника грабеж, сопровождающий пребывание советских войск в Германии. Споры о жизни с товарищем по службе показывают, что вера «во что-то светлое» (то есть в социализм, который вряд ли будет построен и «через 500 лет») у него иссякла. Записи первой половины 1945 г. – это, в основном, документирование «адского» финала войны, когда «лирика горит». Наконец, в майские дни Э.И. Генкин завершает дневник: «Итак, война кончилась. Прекратилось бессмысленнейшее убийство!.. А на душе пусто. Чего же хочется? Черт его знает! Главное, очевидно, не только в том, чтобы война кончилась. Важно еще то, чтобы началась настоящая жизнь» (3, 276-284).

Самосохранительные практики советских граждан, выработанные еще в довоенный период, как правило, удерживали их от нелояльных высказываний. Тем не менее, встречаются дневниковые записи, в какой-то мере свободные в этом отношении. Как пример – фрагменты из дневника фронтового фотокорреспондента Совинформбюро М.А. Трахмана, который специализировался по партизанскому движению. Неоднократно, с риском для жизни Трахман пробирался через линию фронта к партизанам, вылетал в тыл врага, в отряды партизан Украины и Белоруссии. Его дневниковые зарисовки о жизни партизан весьма нетривиальны, что осознается и самим автором. Он пишет: «Вообще, здесь в основном молодой, здоровый народ. Нет традиционных партизанских бород и вообще это не “пейзане – партизан – русс” как пишут наши братья–писатели. Это очень плотные, толстомордые ребята, которые любят посмеяться и пощупать девушек. Дерутся они так, что ни у кого в головах и не возникает мысль отойти без приказа... Дай бог, чтобы армия так дралась». В нескольких местах автор нелестно высказывается о жизни в сельской местности («Бог мой, как надоела деревня»), дает брезгливое описание грязи в хате многодетного семейства. Наконец,

делая акцент на условиях партизанского быта, откровенно резюмирует: «...болота, кочки и пригорки, комары и вши, а ведь я здесь только месяц, а люди здесь находятся по два года, это настоящие герои, даже если они не спускали эшелонов и не рвали мосты» (3, 211-213).

Смысловая нагрузка ведения дневника для человека военного времени в немалой степени заключалась в саморефлексии, напряженных раздумьях над этическими дилеммами, которые ставила перед ним война. Для врача И.Я. Файнберг, оставившей двоих своих детей на оккупированной врагом территории (будучи директором минского Дома ребенка, покинула семью, сопровождая группу воспитанников до г. Курган) и уверенной в их смерти, такой дилеммой стал вопрос о продолжении собственной «дурацки спасенной, никому не нужной жизни». Ее дневниковые записи – попытка совладать с неизвестностью, фактически дожить до какой-либо документально подтвержденной информации о гибели сыновей. В дневнике не раз подтверждается нацеленность капитана медслужбы Файнберг на сведение счетов с жизнью. Мысленно обращаясь к своим детям, женщина пишет: «Я погибну за вами... Я никогда не пожелаю существовать без вас, ничто меня не остановит. Партия меня не осудит, так я думаю, потому что я неполноценный буду человек...» (3, 109-110).

Пример дневника А.З. Дьякова свидетельствует, что одним из «болевых» был вопрос о непосредственном участии в защите Отечества. 48-летний мужчина, который имел серьезный опыт участия в Гражданской войне, Дьяков, с одной стороны, стремился уйти на фронт, вплоть до того, что в первые дни войны «приготовил пару белья, две пары носков, кусок мыла» (2, 20). В то же время он осознавал подорванное состояние здоровья и ответственность перед женой, которая была экономически несамостоятельна и тоже серьезно болела. Несмотря на искренний патриотический настрой, Дьяков, прошедший несколько комиссий и, наконец, признанный «не годным», испытал определенное облегчение по этому поводу. Записал следующее: «Так кончилась моя военная карьера... Узнав о заключении комиссии, жена очень обрадовалась. Мне же было тоскливо, как будто что-то потерял...» (2, 33).

Н.И. Френкелю (политработнику, в 1943 г. сформировавшему в тылу врага полк военнослужащих) нередко приходилось принимать решения о наказании подчиненных, и именно на страницах своего дневника «Журнал боевых действий в тылу врага» он размышлял об их справедливости (3, 231-241). Так, когда к его отряду «прибилась» группа вооруженных бойцов во главе с младшим лейтенантом, который был пьян, «ругался матерно и оскорблял офицеров и рядовых Красной Армии, называя их предателями», Н.И. Френкель принял решение расстрелять его перед строем. Однако, узнав на допросе о партизанском прошлом лейтенанта и уничтожении всей его семьи немцами, заменил расстрел на пять суток в «прохладной гауптвахте». Применяя расстрелы к мародерам и дезертирам, Френкель оценивал в дневнике правильность каждого своего решения. Критериями были тяжесть проступка и то воздействие на подчиненных, которого он своим приказом хотел добиться (например, пресечь разложение в рядах бойцов).

Проблемные ситуации, анализируемые в дневниках, заключались, в том числе, во взаимоотношениях с товарищами по службе. Отношения эти были не всегда простыми хотя бы потому, что война предъявляла к человеку повышенные требования, а значит, оценка его качеств становилась более строгой. В.Г. Кагарлицкий, рассказывая о своем участии в оборонительных работах в Смоленской области, упоминает о возникших сложностях в общении. Юношеские надежды на «романтику» совместной работы не оправдались; в обстановке голода, тяжелого физического труда люди, напротив, огрубели. «Некоторые за это время сошлись, некоторые стали друг другу зверями» (4, 22). Среди первых фронтовых впечатлений Владимира Кагарлицкого – открытие, что близкий товарищ может оказаться трусом.

Фронтовые дневники содержат много замечаний о достоинствах товарищей по службе (это особенно касается погибших друзей), но нелицеприятных оценок в адрес сослуживцев также немало. Л.С. Френкель называет одного из сослуживцев «обывателем с партбилетом» (4, 14). А.П. Соловьев, работавший секретарем дивизионной газеты, так отзывался о сотруднике редакции: «Ловкий человек Петро. Далекой пойдешь... Он воспеваешь в своих стихах доблесть и героизм, а сам лично очень далек от героизма. Я уверен, что он потому редко ездит на передовые линии, что

трусит ездить туда... Он может только подобрать рифму» (5, 19). Среди осуждаемых фронтовиками поступков фигурируют пьянство (особенно в тыловой среде), грубость, употребление мата. Что касается отношений между подчиненными и командирами, то они иногда критикуются за формализм. В частности, Соловьев делает следующий вывод: «Очень и очень плохо, что командиры наши не знают людей... Формальность, при командирах, которые плохо знают свои кадры, по-моему, плохо влияет на дело войны» (5, 22).

Огромная роль военного дневника как средства самопознания проявляется в том, что зрелые авторы выходят в своих записях на обобщения, касающиеся собственной судьбы в целом. Поддавшись воспоминаниям о юности, А.П. Соловьев, перешагнувший сорокалетний рубеж, констатирует: «Пройден долгий путь. Уже не будет увлечений, которые захватывают без конца. Надвигается старость со своей черствостью и отсутствием порывов. Наступает тот период жизни, когда логика подавляет движения души. Жалко пройденного пути, который уже пройден безвозвратно» (5, 22). Еще более горькие раздумья содержатся в дневниковой записи, сделанной в начале 1942 г. А.З. Дьяковым: «Перед уходом на работу взглянул в зеркало и заметил много, чего не видел раньше. Как будто годы я не видел себя: борода седая, брови с проседью, под бровью какая-то белая родинка выросла, на зубах камень пожелтелый. Но все же еще молод – на вид 50 лет. Волосы на голове черные без седин, зубы все целые... Да, взгрустнулось – время идет. Не заметил, как постарел, а жизни не видел. Только было успокоились – война, а до нее – не перечесть страданий и ненормальной жизни. Единственная мысль – отдохнуть последние годы после войны. Старость меня не беспокоит – даже радует – не знаю, почему такая радость...» (2, 39). Вообще в дневнике Дьякова акцентирована передача глубоко личных душевных переживаний автора, связанных с анализом взаимоотношений с близкими, прежде всего, с сыном. Особенно тяжелые размышления фиксируются автором в связи с гибелью сына на фронте. Дьяков даже задается вопросом: «Переживают ли так другие?» (2, 13). Трагическое событие оказывает столь сильное моральное воздействие на автора дневника, что записи, которые он с большой систематичностью вел два с половиной года, постепенно прекращаются.

Таким образом, ведение дневников в годы Великой Отечественной войны выполняло множество функций, главными из которых являлись фиксация важных для автора событий, впечатлений, фактов, а также его эмоциональная разрядка. Ввиду

невозможности передать в письмах, проходящих военную цензуру, значительную часть увиденного и пережитого, советские люди в некоторых случаях доверяли эти сведения дневнику. В дневники попадали литературные опыты авторов, в них копировались важные в контексте жизни авторов документы (справки, извещения о смерти и др.). В итоге, в дневниковом наследии военного времени «залегают» пласты информации разного рода. Наиболее объемны и ценны те из них, которые характеризуют повседневность советских людей в период Великой Отечественной войны.

Разумеется, имеются существенные различия в содержании дневников, в зависимости от того, велись они на фронте или в тылу. Тыловой дневник, как правило, хорошо освещает материальную сторону жизни (потребительские практики населения, продовольственные проблемы, трудности с отоплением), раскрывает привычные и новые, пришедшие с войной, образцы поведения советских граждан. В нем можно почерпнуть сведения о патриотических настроениях, семейно-бытовой сфере, досуговых предпочтениях, дружеских и любовных отношениях, производственных вопросах. Много места отводится описанию драматических событий: бомбежек, эвакуации, гибели родных. Тыловой дневник фокусируется преимущественно на индивидуальных переживаниях, но в отдельных случаях он способен развернуть панораму жизни тылового промышленного центра в условиях военного времени (дневник жителя г. Горького И.А. Харкевича), представить череду уникальных зарисовок из повседневности крупной железнодорожной станции (дневник жителя г. Сочи А.З. Дьякова).

Фронтовому дневнику свойственны несколько иные черты. Он зачастую жестче, даже «злее», фиксирует информацию в более сжатых формах. Во фронтовом дневнике менее выражена утилитарная составляющая. Хотя военнотружущие и затрагивают проблематику питания, бытовых удобств, здоровья, но она не доминирует, а в некоторых источниках практически отсутствует. Много внимания уделяется описанию переездов, перечислению выполняемых обязанностей, характеристикам товарищей по службе и случайных знакомых, встреченных на дорогах войны. На первый план выходит «лично пережитое»: описание участия в боях, передача увиденного за сотни и тысячи километров от дома, рефлексия по поводу человеческих отношений в экстремальных условиях войны. Во многих дневниках проступают противоречия нового опыта; наряду с выражением гордости стойкостью и мужеством русского солдата, примерами этих и

других его положительных качеств, авторы упоминают о фактах трусости сослуживцев, плохой подготовке командного состава, пьянстве, распространении явления ППЖ (походно-полевых жен).

Подводя итоги, следует отметить, что ведение дневников участниками Великой Отечественной войны, очевидно, являлось одним из средств совладания с теми жизненными трудностями, которые несла с собой эта война. По спектру сюжетов, передающих настроения и жизненные ситуации человека военного времени, обилию подробностей и затрагиваемых тем, дневники являются ценным, практически незаменимым источником. В то же время потенциал этого источника в воссоздании фронтовой и тыловой повседневности до сих пор недостаточно использован исследователями.

You can read completely article in the russian historic-archival magazine “The Herald of an Archivist”. Read more about terms of subscription [here](#) .

Полностью материал публикуется в российском историко-архивоведческом журнале ВЕСТНИК АРХИВИСТА. Ознакомьтесь с условиями подписки [здесь](#) .